
В умах людей

Дарвин и новый мировой порядок

◆◆◆
Йен Тэйлор

<http://www.creationism.org/russian/>

"In the Minds of Men" - Russian Edition

Ian T. Taylor - ©2000

www.crimea.com/~creation

www.creationism.org/crimea/

west.crimea.com/~creation

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН, *магистр гуманитарных наук*

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС
(“Дон Кихот”)

В о время написания настоящей главы в “Справочнике Бау-кера об издающихся книгах на 1983-84 годы” (Bowker, 1983) было перечислено более семидесяти названий, так или иначе относящихся к биографии Чарльза Дарвина. Многие из этих книг были переизданиями опубликованных ранее — в нашем и, что более удивительно, в прошлом веке. Возникают вопросы. Во-первых, почему переиздаются книги, которые были впервые опубликованы сотню лет назад? И, во-вторых, — что нового можно сказать об этом человеке в наше время? По-видимому, ответ на оба эти вопроса будет тот же самый, что и на вопрос: “К чему издавать новый комментарий к Библии?”. Главным образом — потому, что это интересно людям. Многие биографии, в особенности наиболее популярные краткие варианты, в сущности представляют собой восхваления великого ученого, и только в последнее время стали выплывать на поверхность некоторые более “человече-ские” аспекты жизни Дарвина, например упомянутый ранее заговор по защите приоритета над Уоллесом. Основанием для подобных открытий последнего времени является и то, что обширная переписка Дарвина лежит неопубликованной в библиотеке Кембриджского университета. Кроме того, автобиография Дарвина, написанная в 1877 году, и опубликованная часть переписки Дарвина были отредактированы его сыном Фрэнсисом по настоянию овдовевшей матери, Эммы Дарвин. И только после 1958 года, когда внучкой Дарвина, леди Барлоу, был опубликован не подвергшийся “чистке” вариант автобиографии, стало очевидно, что при редактировании Фрэнсис Дарвин убрал из текста около шести тысяч слов, которые могли бы повредить имени Дарвина¹. Кроме того, всегда оставался пробел в корреспонденции Дарвина за имеющие решающее значение 1856—1859 годы, хотя вся остальная корреспонденция тщательно хранилась; но в 1961 году среди бумаг сэра Чарльза Лайеля были обнару-

жены записные книжки, имевшие отношение к этой переписке (Брэкман — Brackman, 1980, 32)². Как дополненная автобиография, так и отсутствовавшая переписка открыли, что Дарвин был не столь свят, как предлагалось верить его ранним биографам.

Наконец, у части многочисленных биографов Дарвина есть тенденция поскорее развенчать христианское воспитание, полученное им в детстве и юности, а также последующее влияние верований его жены. Перед рождением Дарвина и в годы формирования его личности Англия переживала евангельское возрождение. Очень немногие не подверглись его влиянию так или иначе. Разумно предположить, что молодой Дарвин был включен в это движение или по меньшей мере осведомлен о нем. Однако было и противоположное влияние, близкое его собственной семье, которое, разумеется, должно было противодействовать любой связи или ознакомлению с евангельским христианством. Это влияние исходило из Унитарной Церкви.

Унитарная церковь

С самого начала в христианском мире всегда были люди, не только с трудом веровавшие в некоторые части этого учения, но и открыто и активно выступавшие против него. В третьем веке н. э. Арий не мог принять идею Троицы — единства трех лиц в одном Боге, и в те давние времена его и его последователей объявили еретиками. В средние века выражавших такое неверие сжигали на костре, а позднее, при господстве Лютеранской протестантской церкви, за такое неверие следовало изгнание из страны. Англия и обе Америки принимали некоторых из этих изгнанников, главным образом из Венгрии и Польши, и с шестнадцатого века их идеи распространились среди либеральных членов основывавшихся там протестантских церквей.

Это неверие множилось, но всегда сосредоточивалось на некоторых критических вопросах, связанных со сверхъестественным: отрицание Троицы, непорочного зачатия Христа, Воскресения, ада и вечной кары. Все чисто чудесные явления тем или иным образом интерпретировались рационально. Таковы и в наши дни взгляды Унитарной церкви. При всем этом отрицании возникает вопрос: что же они считают своей целью? Исследования показывают, что главными их заботами являются гуманитарные и социальные проблемы.

Джон Биддл (1615—1662) считается основателем английского унитаризма, круг которого поначалу ограничивался отдельными личностями, среди которых были известный поэт Джон Мильтон, философ Джон Локк и ученый Исаак Ньютон. В рационалистической атмосфере восемнадцатого века многие были обращены активной миссионерской деятельностью унитаристов такого интеллектуального калибра, как основатель современной химии Джозеф Пристли в Англии или Ральф Уолдо Эмерсон в Америке. Первое здание

Унитарной церкви было открыто в Лондоне либеральным отступником от Англиканской церкви в 1773 году. Первой Унитарной церковью в Америке была Кингз-Чепл (Бостон), открывшаяся десятилетие спустя. Однако вскоре после этого центром унитаристского мышления стал знаменитый факультет богословия Гарвардского университета, основанный в 1816 году. Несмотря на то, что в рамках Унитарной церкви имели место разные течения, обусловленные теми различиями в уровне неверия отдельных лиц, которые могла допустить организация, они вскоре объединились под названием “Унитарно-Универсалистская Церковь” и теперь оказывают явное влияние на современную гуманистическую деятельность; они не связаны с Школой христианского единства или с Церковью унификации Сан Мен Муна, хотя все эти организации так далеко отходят от ортодоксального и целостного библейского учения, что их нельзя считать христианскими.

Сотворение и Всемирный Потоп, о которых рассказывает книга Бытия, — сверхъестественные события. Те, кому было трудно верить в чудеса Нового Завета, представлявшие собой сверхъестественные события локального характера, тепло принимали эволюционные идеи, которые, как казалось, рационально объясняли то, что считалось сверхъестественным в большом масштабе. Как будет видно ниже, доктрины Унитарной Церкви имели небольшое, но жизненно важное влияние на мышление Чарльза Дарвина, и ее идеи продолжают оказывать такое же влияние сегодня: оказывается, многие либеральные интеллектуалы являются убежденными сторонниками унитаризма, даже занимая места на скамьях и кафедрах ортодоксальной церкви.

Юность Дарвина

Чарльз Роберт Дарвин родился в 1809 году пятым по счету из шести детей в семье; четверо из них были девочки. Дом семьи Дарвинов находился в Шрусбери, английском торговом городке недалеко от границы с Уэльсом.

Источником дохода семьи, в целом немало, были болезни местных жителей, поскольку отец, доктор Роберт Дарвин, был одним из наиболее успешно практиковавших в провинциальной Англии врачей. Доктор Дарвин женился на дочери унитария Джозайя Уэджвуда, но она умерла, когда Чарльзу было пять лет, и до восьми лет он воспитывался дома своей старшей сестрой Кэролайн. Между восьмью и девятью годами он поступил в школу, возглавляющуюся унитариянским священником, а затем перешел в классическую школу доктора Батлера, знаменитую в Шрусбери, где проучился еще семь лет. Практически все время в этой школе он изучал

Джозайя Уэджвуд (1730—1795). Стойкий унитариец, основатель и владелец широко известной фабрики керамики. Уэджвуд — правда, уже после смерти — оказал значительное влияние на религиозные взгляды Чарльза Дарвина. (С портрета работы Джорджа Стаббса; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

латинский и греческий языки. Позднее Дарвин так вспоминал об этой чисто диккенсовской части своего образования: “Ничто не могло быть хуже для развития моего ума, чем школа доктора Батлера... В смысле образования школа эта была для меня пустым местом” (Барлоу — Barlow, 1958, 27). К счастью, в шестнадцать лет его забрали из этой школы и, поскольку у него намечалась склонность не к искусствам, а к науке, отправили к старшему брату Эразму в Эдинбургский университет — изучать медицину.

Чарльз вырос в среде врачей, так что это не было неожиданно. Его дед по линии отца, Эразм, был известным врачом. Врачами были дядя по отцу, которого тоже звали Чарльз Дарвин, отец Роберт и старший брат Эразм; таким образом, в годы возмужания Чарльза Дарвина медицина чуждой для него не была. Еще до отъезда в Эдинбург он часто помогал отцу составлять лекарства и научился выявлять и распознавать симптомы болезней. По иронии судьбы, хотя он так и никогда и не стал врачом, большую часть жизни он имел отношение к этому занятию (Колп — Colp, 1977, 3—8).

Проучившись два года на медицинском факультете и дважды побывав в операционной при ужасных операциях (в те времена наркоз не применялся), Чарльз понял, что призвания к медицине у него нет. Зрелище это было для него тошнотворным. В наши дни многие имеют ту же “проблему желудка”, что и Дарвин, — неприятные мысли и зрелища немедленно вызывают у них эмоционально-физиологическую реакцию. Дарвин писал об этом своей сестер Кэролайн: “Башка и нутро — две антагонистические силы” (Colp, 1977, 15). Мигрени, расстройства желудка, сердцебиения, рвота и понос в конечном счете стали уделом бедняги, и одним из занятий

его жизни стал поиск лекарств, но все это пришло лишь с возрастом. В юности же он радовался жизни и путешествовал, и проблемы здоровья его вовсе не занимали.

Доктор Дарвин сочувственно отнесся к реакции сына на обратную сторону медицины и отправил его в Кембриджский Крайстс-Колледж (Колледж Христа), где тот провел три года, изучая богословие. Решение Роберта о замене медицины теологией было принято несмотря на то, что способности его сына к языкам были удручающими — за два года, проведенных в Эдинбурге, он ухитрился почти совершенно забыть греческий язык, изучавшийся в школе доктора Батлера, и ему пришлось специально готовиться к поступлению в Кембридж, снова начав с греческого алфавита. Доктор Дарвин был невысокого мнения о способностях своего сына стать достойным наследником семейной репутации. В ту пору, на заре викторианского общества, многие отцы видели в возможности стать священником удачный выход для своих непутевых сыновей, когда все остальные надежды рушились, — в конце концов эта профессия пользовалась уважением. Такой выбор доктора имел и еще одну причину: еще в юности он примкнул к Вольным Каменщикам (масонам) и видел способ обеспечить сыну надежное и благополучное положение в церкви, шепнув на ухо соответствующему епископу нужное слово в нужное время (Barlow, 1958, 30)³.

В 1831 году Чарльз сдал экзамен на звание бакалавра гуманитарных наук, став в двадцатидвухлетнем возрасте — по меньшей мере на бумаге, если не вполне по духу, — Преподобным Чарльзом Дарвином в сельской англиканской церкви. Он выбрал именно деревенскую церковь, чтобы по-прежнему иметь возможность охотиться и упражняться в стрельбе. Если бы он стал доктором или священником, то, почти несомненно, мир никогда не услышал бы о Чарльзе Дарвине. Но волею судьбы обстоятельства сложились самым неожиданным образом, и он оказался на корабле “Бигль” королевского военного флота в качестве официального ученого-естествоиспытателя, которых тогда называли натуралистами, отправившись в кругосветную научно-исследовательскую экспедицию, которая длилась пять лет. Корабль отчалил в декабре 1831 года. Это важное путешествие изменило мышление Дарвина и, в конечном счете, большей части человечества. Именно по этой причине об этом было так много написано.

Дарвин и Библия

Некоторым наиболее известным биографам Дарвина — например, Уильяму Ирвингу — нравится утверждать, что Дарвин начал свое знаменитое путешествие, глубоко веруя в Библию, а через

пять лет сошел с корабля, убежденным в эволюции (Irving, 1955, 51); однако Гертруда Химмелфарб более осторожна — она показывает, что это впечатление ошибочно и мысли об эволюции возникли у Дарвина не раньше июля 1837 года, через девять месяцев после его возвращения (Himmelfarb, 1968, 65, 147). Как мы увидим, на основании всего известного о начальном этапе жизни Дарвина, нетрудно прийти к заключению, что его вера в Библию весьма под вопросом. Очевидно, что Дарвин никогда не ставил Библию на первое место и стал не намного мудрее, проведя три года в Кембридже.

Чарльз Дарвин никогда не видел своего деда по линии отца, Эразма Дарвина, так как тот умер за семь лет до рождения Чарльза. Однако либеральные и эволюционные идеи Эразма несомненно повлияли на юного Дарвина. Эразм был врачом, отчасти поэтом, “инструментом” Промышленной революции и автором капитального двухтомного труда “Зономия” (Darwin, 1794—1796). В этой работе были изложены основы той самой теории, которую через полвека провозгласит его внук⁴. Чарльз всегда относился к своему деду с большим уважением, и несмотря на явно своеобразный образ жизни последнего, он признал двух незаконных дочерей. Чарльз позаботился о переводе биографии деда с немецкого, сохранив таким образом память о нем у английских читателей (Краузе — Krause, 1879, 61)⁵.

Роберт Дарвин, отец Чарльза, был еще меньшим ортодоксом в вере, чем Эразм. Хотя он тщательно скрывал свое неверие, чувствуя необходимость приобщить своих детей к ортодоксальной англиканской традиции, этим умерить подозрения публики в том, что сам он не религиозен (Барлоу — Barlow, 1958, 22)⁶. Неверие Роберта граничило с атеизмом: так, он утверждал, что знает лишь трех истинно просвещенных женщин, одна из которых — его свояченица Китти Уэджвуд, в отношении которой он убежден, что “такая пронизательная женщина не может быть верующей” (Литчфилд — Litchfield, 1915, 1:164)⁷. Авторитет доктора Дарвина в семье был вполне патриархальным, к этому гиганту ростом 188 см и весом полтора центнера относились с благоговейным трепетом. Любые разговоры в его присутствии должны были ласкать ухо хозяина; чрезвычайно маловероятно, что в этих условиях в доме Дарвина велись какие-либо “библейские” разговоры.

Период жизни, проводимый молодыми людьми в университете, весьма важен и часто помогает утвердиться в идеях, лишь отчасти усвоенных и сформированных ранее. Первое реальное знакомство Дарвина с внешним миром за стенами его дома началось тогда, когда отец отправил его к старшему брату Эразму на медицинский факультет Эдинбургского университета. В то время в Оксфордском

и Кембриджском университетах господствовали богословские идеи: даже в науках о Земле предписывалась установленная архиепископом Ашером дата сотворения мира — 4004 год до н. э. Эдинбург же, напротив, был открыт всем верованиям, в результате чего не проповедовалось ни одно из них. Юный Дарвин встречался с некоторыми геологами, зоологами и ботаниками своего возраста, и их диспуты были сугубо ламаркистскими. Именно в этот период он нашел время ознакомиться с широко читавшейся тогда “Зоономией” своего деда.

Такова была интеллектуальная атмосфера, в которой Дарвин находился два года из важнейшего периода становления. Интересно, что и дед Эразм, и унитарист Джозеф Пристли, и геолог Джеймс Хаттон в юности учились в этом же университете и, как можно видеть из их сочинений, полностью отошли там от ортодоксальной христианской веры, если и имели ее ранее.

Наконец, можно было бы думать, что Дарвин, получивший звание бакалавра гуманитарных наук в Кембридже и готовый стать молодым священником, несомненно, должен был неплохо знать Библию. Но нет никаких фактических свидетельств ни того, что он когда-либо раскрывал Библию, будучи студентом-богословом, ни того, что от него этого требовали⁸. Бакалавр гуманитарных наук должен был изучить три области: классиков, математику и богословие. По богословию надлежало изучить два обязательных труда Пэйли: “Подтверждения христианства” и “Моральную и политическую философию”. Дарвин довольно плохо разбирался в классических трудах и еще хуже — в математике, даже пользуясь услугами репетитора, но

Уильям Пэйли (1743—1805) - влиятельный англиканский священник и писатель. Он был ранним либералом и чтил аристотелева Бога-Творца, отделившегося от своего творения. (С портрета работы Джорджа Ромни, 1789; Национальная портретная галерея, Лондон.)

ему так нравились работы Пэйли, что он прочел сверх программы еще одну из его книг — “Естественное богословие”.

Влияние Пэйли было глубоким и сопровождало Дарвина всю жизнь,⁹ а с точки зрения отношения к Библии, несомненно, Пэйли способствовал утрате Дарвином последних остатков веры. Пэйли был либералом своего времени и опубликовал анонимный труд, в котором говорилось, что для того, чтобы подписаться под всеми тридцатью девятью статьями Кодекса веры, не нужны лекции по богословию в Кембридже (Кларк — Clarke, 1974, 20)¹⁰. Прежде, чем перейти в Кембридж, Дарвин изучил эти статьи, чтобы ознакомиться с англиканской доктриной; ее он с готовностью принял, придя к заключению, что у него нет “ни малейшего сомнения в точности и буквальной истинности каждого слова Библии” (Barlow, 1958, 57). Когда полвека спустя Дарвин писал автобиографию, он вспомнил об этом и заметил: “Мне никогда не приходило в голову, насколько нелогично было утверждать, что я верю в то, чего не могу понять и что действительно понять невозможно” (Barlow, 1958, 57).

Еще одно, последнее свидетельство его полного непонимания даже основных элементов спасения содержится в абзаце, который изъят из его автобиографии, написанной в почти семидесятилетнем возрасте. Он пишет о “проклятой доктрине”, обрекающей всех неверующих на вечные муки, и противится тому, что “среди них должны были бы оказаться мой отец, и брат, и почти все мои самые лучшие друзья” (Barlow, 1958, 87). Это было сказано, когда более тридцати лет он прожил в браке с унитарянкой, и, несомненно, в этот момент его жизни даже неортодоксальное отрицание ада тяготило его сознание.

Таковы были источники неверия, из которых он утолял свою юношескую жажду истины. Двадцатидвухлетний Дарвин, выпускник университета, отплывавший в величайшее в своей жизни путешествие, уже глубоко впитал в себя неверие — и все же, по-видимому, Провидение предоставляло ему возможность сделать свободный выбор пути к истине: рационализм или Писание.

Путешествие на “Бигле”

Похоже, собрав семьдесят четыре души для совместного пятилетнего путешествия на “Бигле”, судьба предоставила возможность сознанию Дарвина вдохновляться регулярным чтением Библии. Он мог читать ее и сам, так как экземпляр ее был среди книг, взятых им в кругосветное путешествие. Капитан Роберт Фицрой был глубоко религиозным человеком, он верил в каждое слово Библии и со страстной основательностью лично проводил на борту “Бигля” каждую субботнюю службу в течение всех пяти лет (на борту корабля

был и миссионер). Общее присутствие было обязательным. Хотя официальной целью путешествия являлись картирование и изучение береговых линий, у Фицроя были и свои личные цели, одной из которых было обнаружение минералов, имевших коммерческую ценность, а другой — возможно, менее четко выраженной — подтверждение правоты Книги Бытия.

Именно на Дарвина как натуралиста были возложены эти задачи. Известно, что он воспринял это с энтузиазмом, хотя были все основания полагать, что его реальные знания как теологии, так и геологии были невелики. Так или иначе, в течение последующих пяти лет Дарвин, по-видимому, стал убежденным сторонником Книги Бытия и был глубоко шокирован, услышав однажды, как один из членов команды решительно отрицал факт Всемирного Потопа. Он даже участвовал в осуществлении некоторых евангелизационных планов Фицроя по приобщению к христианской вере туземцев острова Таити и других мест, в которые заходил “Бигль”, и до самой своей смерти поддерживал миссионерское общество.

Подлинно любимым делом Чарльза Дарвина всегда было изучение природы, и, конечно, ему представилась такая возможность, какую немногие имели раньше, и никто не мог иметь в будущем, — изучать нетронутый естественный мир и быть рядом с людьми, верившими в концепцию Сотворения и с энтузиазмом воспринимавшими ее фактические подтверждения.

Путешествие Дарвина протекало в неспешном покое плывущего корабля, в ощущении всех нюансов окружающего — и не как обычного путешественника, но как человека, имевшего срочную цель исследовать неисследованный мир девятнадцатого столетия. Он мог любоваться блеском и величием тропической звездной ночи над головой и удивляться микроскопическим формам жизни, кишевшим в океанских водах под ногами. У него был микроскоп, и он мог изучать планктон и радиолярии, просто черпая привязанным к веревке ведром забортную воду. Он бродил по девственному влажному тропическому лесу, исследовал необычные горные породы, карабкался на вулканы, изучал странных птиц и зверей, наблюдал обычаи людей, не затронутых европейской культурой. Во всем этом он видел громадное разнообразие жизни, и каждое живое существо превосходно соответствовало среде своего обитания. Были ли все эти неодушевленные предметы и живые существа делом рук Творца — Великого Конструктора, о котором говорил Пэйли, — или же можно было предположить какое-то иное объяснение? Несомненно, этот вопрос приходил ему в голову, но в то время не было реальной альтернативы — не была еще полностью разработана такая теория эволюции, которую можно было бы принять, если ока-

жется слишком трудно согласиться со сверхъестественным сотворением мира.

У этого пятилетнего путешествия были и свои отрицательные стороны: вряд ли был обеспечен комфорт роскошного круиза, а нижнее полушарие Земли пришлось обойти почти полтора раза. Хотя Фицройю было всего двадцать шесть лет — на четыре года больше, чем Дарвину, — он был исключительно опытным капитаном. Однако у него имелись некоторые особенности, которые порой делали жизнь в тесных каютах небольшого корабля несколько напряженной. Фицрой был, как мы бы сказали сегодня, постоянно “на взводе”; человек почти маниакально-депрессивных настроений, он требовал от всех беспрекословного подчинения. Во многих отношениях он был трудным человеком из породы капитана Блада, хотя во времена парусных кораблей кое-какие из этих черт, несомненно, были необходимыми. Дарвин был располагающим к себе и легким человеком и, даже разделяя каюту с Фицроем, мог сносить его настроения и нрав. Дарвину могла прийти в голову мысль, что если бы была какая-то связь между капитаном и его верой, то к последней следовало бы подходить так же, как к первому, — с достаточной осторожностью. У бедняги Фицроя было не все в порядке с психикой; несколькими годами позднее, вскоре после опубликования Дарвином “Происхождения видов”, он покончил с собой.

Не считая морской болезни, от которой Дарвин страдал все пять лет, и настроений Фицроя, можно лишь недоумевать, что именно в конечном счете повернуло его сознание от веры в рассказ о Сотворении к неверию. Среди книг, взятых им на корабль, было несколько учебников французского и испанского языков, математики и классических наук, экземпляр мильтоновского “Потерянного рая”, “Рассказы о себе” Гумбольдта, Библия и первый том “Основ геологии” Чарльза Лайеля, вышедший в свет всего за несколько месяцев до отплытия “Бигля”. Высланный ему второй том Дарвин получил в Монтевидео. Поскольку одной из главных задач Дарвина было изучение геологии исследуемых мест, а у него не было практического опыта в этой области, то вполне разумно предполагать, что Дарвин проводил много времени, читая книги Лайеля. Напомним: Лайель предположил, что процессы, наблюдаемые в наши дни, протекали медленно в течение миллионов лет и обусловили все геологические черты Земли. Вероятно, книги Лайеля стояли на небольшой книжной полке в каюте “Бигля” рядом с той самой книгой, истинность которой они отрицали. Библия утверждала, что была катастрофическая кара, наказание водой — Потоп, все разрушившая и уничтожившая приблизительно тогда, когда началась письменная история человечества. Это случилось не миллионы, а всего лишь несколько

тысяч лет назад. Во время плавания Дарвин изо дня в день наблюдал береговую линию Южной Америки — каменистый континент вздымался вертикально на сотню метров над поверхностью океана и простирался на этом уровне на сотни миль. Он также видел, как под действием волн непрерывно происходила эрозия пластов пород. Было ли все это результатом громадного наводнения, происшедшего несколько тысяч лет назад, или же в течение миллионов лет континент поднимался и опускался ниже уровня воды, накапливая новый слой отложений за каждый такой цикл? На суше Дарвин ежедневно наблюдал громадное разнообразие жизни, обнаруживал новые виды животных, птиц, насекомых, тысячи различных деревьев и цветов, и перед его мысленным взором Ноев Ковчег представлялся недопустимо переполненным. Однако, вернувшись из путешествия, он, насколько известно, ничего не говорил об этих своих мыслях тем, кто с виду верил в Книгу Бытия, внутренне же — сомневался в ней. Из юноши он превратился в зрелого мужчину, умудренного опытом, отраженным в записях, служивших ему всю оставшуюся жизнь.

Вернувшись в Англию в 1836 году, Дарвин потратил два года на описание путешествия на “Бигле”, которое опубликовал под названием “Дневник и заметки” (Darwin, 1839). За этот период он написал также несколько статей для Геологического общества, и многое в его записях говорит о том, что именно во время анализа материалов путешествия для написания этих работ в его сознании укрепилось неверие. Этапы его мыслительного процесса нетрудно проследить. Этапы эти далеко не новы — они пройдены другими до него и очень многими после него. Обычно они начинаются с сомнения в существовании сверхъестественного. Спустя годы Дарвин сам подтвердил это: говоря о Евангелии, он утверждал, что в чудеса не может поверить ни один “здравомыслящий человек” и что все может быть объяснено непреложными законами (Барлоу — Barlow, 1958, 86). В наши дни многие придерживаются тех же взглядов — скрыто или даже вполне откровенно.

Библейский Потоп был сверхъестественным событием, и, изучив “Принципы геологии” Лайеля, Дарвин стоял перед выбором: либо трактовать все им увиденное как результат действия сил природы в течение длительного времени, либо — как результат действия сверхъестественных сил за короткое и сравнительно недавнее время. Описать увиденное им было просто. Однако разумное объяснение требовало выбора, и он отбросил сверхъестественные представления, остановившись на натуралистическом объяснении Лайеля. Следующим этапом после разумного объяснения всего, что орто-

доксальная наука той поры считала подтверждением Потопа, были поиски натуралистического объяснения другого ключевого представления — происхождения всех видов, считавшегося результатом божественного Творения.

Дарвин был жадным читателем, и, как отметил Эйсли (Eiseley, 1959), в тот период размышлений над проблемой видов он прочел “Корабельный лес и лесоводство” Патрика Мэтью. Такое название вряд ли разжигало интерес к предмету, но Дарвин явно заинтересовался этой книгой и, откопав в ней выражение автора: “этот естественный процесс отбора”, слегка изменил его — “естественные средства отбора” — и включил в свое первое сочинение, написанное в 1842 году. Мэтью опубликовал свою работу в 1831 году, до отплытия Дарвина на “Бигле”. В 1844 году Дарвин написал второе эссе, в котором сократил этот термин до “естественного отбора”.

В обширный круг дарвиновского чтения вошел также и труд Эдварда Блайта по вопросу о видах, опубликованный в 1835 и 1837 годах, и Эйсли отмечает сходство мыслей в эссе Дарвина с идеями Блайта¹¹. Дарвин не выразил признательности ни Мэтью, ни Блайту ни в “Происхождении видов”, ни в сочинениях, публиковавшихся до 1909 года, а к тому времени приоритет Дарвина был полностью признан. Эйсли был не единственным, кто отметил, что идея естественного отбора родилась не у Дарвина, и поставил под вопрос массу мифов, лежащих в основе происхождения теории, сомнительную честь создания которой история приписала Дарвину.

Черпая чужие идеи о видах, Дарвин стал вести свои “тайные” записные книжки о трансмутации видов. Дата начала этих записей известна точно — июль 1837 года, что совпадает с опубликованием статей Блайта в популярном тогда “Журнале естественной истории”. Дарвину было известно, что идея трансмутации, то есть направленного превращения в течение очень многих поколений, скажем, пресмыкающегося в птицу, не принималась ни одним ученым того времени. Несомненно, ему было ясно также и то, что его мысли были шокирующими и, в некотором смысле, даже богохульными, поскольку он все дальше и дальше отодвигал Бога-Творца от Творения. На протяжении последующих лет Дарвин доверял все мысли о трансмутации только своим записным книжкам и лишь в 1844 году поведал своему другу доктору Гукеру, что “наконец-то появился проблеск, и я почти убежден (вопреки моему первоначальному мнению), что виды (это звучит как признание в убийстве) не неизменны” (Ф. Дарвин и Сьюард — Darwin and Seward, 1903, 1:41). Многие комментаторы отмечали, что “убийство”, о котором говорит здесь Дарвин, в действительности было убийством

Бога — в конечном счете теория Дарвина превращается в попытку полностью вытравить представление о Боге-Творце из сознания людей, как будто Он уже мертв.

Семья Дарвина

В то время, когда в сознании Дарвина стало утверждаться неверие, он женился на Эмме Уэджвуд. Семья Дарвинов была тесно связана с семьей Уэджвудов, фамилию которых прославил действующий и поныне керамический завод. Старый Джозайя Уэджвуд был унитарием и другом деда Дарвина, Эразма. В кругу их друзей был и химик доктор Джозеф Пристли, усердный проповедник унитаризма. Старшая дочь Джозайи, Сусанна, вышла замуж за Роберта, сына Эразма, и стала матерью Чарльза Дарвина. Чарльз взял в жены племянницу матери. Накануне свадьбы отец Дарвина посоветовал ему скрыть от будущей жены религиозные сомнения и убеждения, поскольку знал по опыту, что мужу редко удастся обратить жену в скептицизм (Barlow, 1958, 95). Дарвин должным образом принял этот совет и расширил его до принципа написания трудов, в которых позднее признался: “Много лет назад один друг [это был Лайель] строго предупредил меня, чтобы я никогда не вносил в свои работы ничего связанного с религией, если хочу продвинуть науку в Англии” (Химмелфарб — Himmelfarb, 1968, 383). Как мы видели выше, этот принцип соблюдался даже после смерти Дарвина: по настоянию вдовы упоминания об атеизме были посмертно удалены из его автобиографии.

Один из юных Уэджвудов женился на старшей сестре Чарльза, Кэролайн, и таким образом не приверженная вере семья Дарвина тесно сплелась брачными узами с семьей, строго придерживавшейся унитарийской веры.

Резонно спросить, почему Дарвин женился на девушке из семьи Уэджвудов, из Шрусбери, когда в Лондоне было достаточно женщин, способных составить пару славному бакалавру. Времена изменились, но в викторианской Англии классовые различия играли важную роль, особенно для семейств Дарвинов и Уэджвудов, ценивших друг в друге качества “высших” людей. Однако еще большее значение имел принцип, который, как отмечали многие авторы, проходит через все труды Дарвина и который можно назвать скрытым ламаркизмом. В предыдущем веке Ламарк утверждал, что признаки, приобретенные предшествующим поколением, проявляют тенденцию к унаследованию в последующем поколении. Мышление Ламарка в пору Дарвина было дискредитировано, но сама тема продолжала существовать, как существует и сегодня в коллективном подсознании, и несколько раз проявилась в работах Дарвина. Таким

образом, рассуждение о том, что благородные животные и растения получаются в результате отбора, заставило Дарвина выбрать супругу из близкородственной “высшей” линии. В наше время в большинстве стран брак между двоюродными братом и сестрой, как в случае с Дарвинами, не разрешается законом.

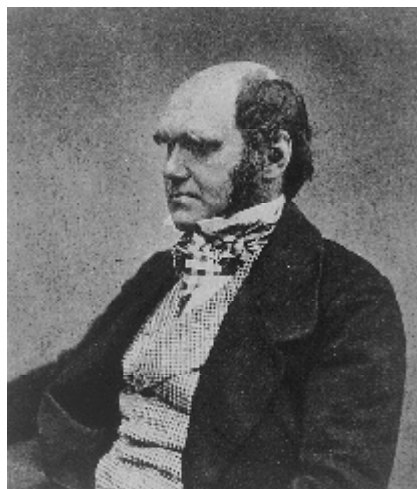
Кузен Дарвина Фрэнсис Гальтон много писал об этом принципе, открыто защищая программы избирательного спаривания с целью создания завтрашнего элитарного правящего класса (Galton, 1869, 24)¹². Теперь мы, конечно, знаем, что такой инбридинг чрезвычайно опасен, так как угрожает проявлением мутантных генов, приводящих к физическим и умственным нарушениям у потомства. Известно, что выведенные путем длительного родственного скрещивания животные оказываются импульсивными и склонными к заболеваниям.

Дарвиновская идея родственного скрещивания для получения улучшенной породы стала роковой для его собственных десятирех детей. Одна из дочерей, Мэри, умерла вскоре после рождения; другая, Энни, умерла в десятилетнем возрасте; старшая дочь, Генриэтта, перенесла в 1859 году в пятнадцатилетнем возрасте серьезное и продолжительное нервное расстройство. Трое из шестерых сыновей так часто болели, что Дарвин считал их полуинвалидами, а младший сын, Чарльз-младший, родился умственно отсталым и умер в 1858 году через девятнадцать месяцев после рождения.

Болезнь Дарвина

Вскоре после возвращения в Англию здоровье Дарвина ухудшилось, и Эмма стала его пожизненной и преданной сиделкой, компаньонкой и, разумеется, матерью его десятирех детей. Вопрос о болезнях Дарвина был предметом многих разговоров, и, в частности, в медицинских кругах обсуждался в более специальном плане, потому что Дарвин делал подробные записи обо всех симптомах, средствах и способах лечения; однако общего согласия врачей в вопросе о точной причине его заболевания не было. Например, доктор Дж. Г. Уинслоу считает, что он страдал кумулятивным отравлением мышьяком. В этом не было ничего удивительного: предполагалось, что это просто результат того, что с ранней юности и на протяжении всей жизни Дарвин регулярно пил раствор Фаулера — популярный в викторианскую эпоху тоник, содержавший небольшое количество мышьяка (Колп — Colp, 1977, 132). Другие полагали, что виной всему была привычка к никотину, который он регулярно вдыхал, пользуясь нюхательным табаком. Дарвин предпочитал этот табак сигаретам; курение он ограничивал одной сигаретой в день — когда жена читала ему или играла на пианино. С другой стороны,

Чарльз Дарвин (1809—1882).
Фотография Мола и Фокса, сделанная в 1854 году: больной Дарвин незадолго до появления на свет его книги “Происхождение видов”.
(Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

профессор Сол Эдлер считает, что Дарвин страдал болезнью Шагаса, в контакте с которой оказался в Аргентине: его укусил “большой черный клоп пампасов” — как полагает Эдлер, *Triatoma infestans*. Болезнь Шагаса была неизвестна примерно до 1909 года; несколько врачей, лечивших Дарвина, не могли знать ни этой болезни, ни способов ее лечения (Colp, 1977, 126). Кроме того, имеется ряд психоаналитических и психоневрологических теорий, основанных на представлении о связи между умственной деятельностью Дарвина при работе над теорией эволюции и его физическим здоровьем, на той самой связи интеллекта с телом, о которой еще предстоит очень многое узнать.

Недавно Колп провел одно из наиболее исчерпывающих исследований болезни Дарвина с критическим анализом всех этих теорий. Он приходит к выводу о том, что наиболее вероятными причинами его болезни были психологические стрессы, признаки которых были у него и в юности. Однако примечательно, что начало размышлений Дарвина об эволюции (около июля 1837 года) совпадает с началом его болезни, а в дальнейшем прекращение его эволюционных размышлений совпадает с отступлением заболевания (Colp, 1977, 142).

Болезнь обострялась с каждым событием, нарушавшим психологическое равновесие, — например, со смертью отца, с самоубийством Фицроя, а также с жестокой критикой опубликованного в 1859 году “Происхождения видов”. Стрессовые состояния каждый раз проявлялись по-разному. По-видимому, в большинстве случаев они приводили к желудочным расстройствам, в других случаях — к сердцебиению, реже — к экземе. Весьма вероятно, что именно переживания, связанные с обсуждением “Происхождения видов”,

вызвали экзему кожи лица и заставили отрастить знаменитую бороду. В своем введении Колп отмечает, что болезнь Дарвина нельзя было понять без понимания двух состояний Дарвина как человека: решимости добиться признания своей эволюционной теории и тревоги, связанной с трудностями подтверждения этой теории, а также с ее идеологическими последствиями (Colp, 1977, XIII).

Заключения о болезни Дарвина можно разделить на две группы: с одной стороны, мнения таких личностей, как сэр Гэйвин де Бир и сэр Питер Мидуор, глубоко преданных идее эволюции и утверждающих, что болезнь Дарвина была чисто органической, без психических признаков (Брэкман — Brackman, 1980, 7). Вероятно, в противоположном лагере есть принимающие теорию эволюции, но не захваченные ее идеей. Они считают, что болезнь Дарвина имела психическое происхождение. Окончательного диагноза все еще не существует. А как часто бывает при отсутствии доказательств, исследователи интерпретируют факты в соответствии с собственными предположениями, поскольку герой, страдающий психическим расстройством, в известной степени подозрителен, в то время как герой, который неизлечимо болен, является мучеником.

Дарвин переехал с женой в Даун-Хауз в деревне Даун, графство Кент, к югу от Лондона, и оставался там, увеличивая свое семейство, жизнь которого была из-за его болезни более или менее затворнической. Со всеми медицинскими процедурами он был похож на ипохондрика, но, по-видимому, болезнь послужила и одной полезной цели — она стала удобным поводом избегать встреч с людьми, избегать конфронтаций и даже расспросов тех, кому удавалось его

Задняя часть дома Дарвина в деревне Даун, юго-восточнее Лондона. Слева — помещение для занятий, справа — для прислуги; типичный дом состоятельного человека. Дом считается национальной святыней и выглядит в настоящее время так, как на этой картине 1887 года. (Библиотека Метрополитен, Торонто.)

навестить. Все время он проводил в работе над своей теорией, проводил эксперименты с растениями, разводил голубей и рассылал по всей стране письма с запросами информации, которая могла бы подтвердить его идеи. В конце концов эта работа превратилась в одержимость. Известно, что его терзали навязчивые идеи: во-первых, найти механизм, положивший начало эволюции; во-вторых, подтвердить теорию доказательствами; и, в-третьих, постоянно напоминать о том, что эта теория — его собственная.

“Происхождение видов”

Кульминацией двадцатилетней работы Дарвина над проблемой естественного отбора явилось опубликование в 1859 году книги, которой было суждено одновременно и прославить, и опозорить его. Поскольку события, приведшие как к написанию, так и к опубликованию этой книги, были недавно исследованы заново Брэкманом (Brackman, 1980), его выводы заслуживают внимания.

В 1855 году Дарвин получил “саравакскую” статью Уоллеса, ставшую для него ударом: он понял, что некто другой так же близок к ответу на загадку жизни, как и он. Его друг и наставник Чарльз Лайель убеждал его немедленно приняться за написание книги обо всем, что ему удалось открыть ранее. Три года спустя, в 1858 году, его постиг еще более тяжкий удар: до него дошла статья Уоллеса, написанная на острове Тернэйт и излагавшая полностью всю теорию вместе с ее “ключом” — идеей о выживании наиболее приспособленных как механизме отбора, приводящего к *дивергенции* одних видов в другие. Другам, Лайелю и Гукеру, удалось убедить Дарвина остановить работу над “большой книгой” и написать вместо нее некое резюме, краткий вариант, для быстрого опубликования. Затем в порядке “тонкого урегулирования”, как это было названо, Лайель и Гукер договорились представить на собрании Линнеевского общества 1 июля 1858 года написанный Дарвином в 1844 году набросок (в котором дивергенция не упоминалась) вместе с копией письма Дарвина к Аза Грэйю от 5 сентября 1857 года (в котором, вероятно, дивергенция упоминалась), а также со статьей Уоллеса, написанной на острове Тернэйт в марте 1858 года.

Аза Грэй находился в Соединенных Штатах, а Уоллес — на безопасном расстоянии в малайских джунглях. Так путем представления этих документов в хронологическом, хоть и не в общепринятом порядке, был установлен приоритет Дарвина. Согласно традициям, существующим в науке, работа Уоллеса была публикацией и должна была считаться первой. Переписка за период, непосредственно предшествовавший июльскому собранию, таинственным образом утрачена, и, по-видимому, не существует подлинного пись-

Чарльз Лайель (1797—1875)

Джозеф Гукер (1817—1911)

Авторы и организаторы “тонкого урегулирования” с целью признания за Дарвином авторства теории эволюции. (Лайель: гравюра Стодарта, примерно 1860 г.; Гукер: фотография Уоллича, примерно 1870 г.; Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

ма, полученного Грэм. Все ответы Грэя Дарвину за этот период, имеющий решающее значение, также отсутствуют. Кроме того, Дарвин позволил себе отредактировать свой экземпляр письма в Линнеевское общество. Итак, над претензией Дарвина на приоритет в отношении жизненно важного принципа дивергенции висит большая туча подозрения. Дарвин во время заседания разбирался со своим домашним хозяйством, пришедшим в упадок в связи в его болезнью, и на собрании не присутствовал. Таким образом, он фактически не представил предварительной статьи, аналогичной статье Уоллеса, и, проявив “благородство характера”, как обычно пишут, разделил приоритет с Уоллесом. В действительности пройдет еще год, прежде чем Дарвин формально обнародует открытие в своем ныне знаменитом “Происхождении видов” (Брэкман — Brackman, 1980, 58; Дж. Л. Грэй — Gray, Jane, 1939; Сартон — Sarton, 1930)¹³⁻¹⁵. Дарвиновский “краткий обзор” фактически состоял из 490 страниц и был озаглавлен: “О происхождении видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь”, что для простоты сократили до “Происхождения видов”. Первое издание появилось тиражом в 1250 экземпляров в ноябре 1859 года (Darwin, 1859), а в январе 1860 года за ним быстро последовало второе (Darwin, 1860). При жизни Дарвина было опубликовано шесть изданий, каждое с изменениями в сравнении с предыдущим — в зависимости от отмечавшихся критика-

ми недостатков и от получения новой информации. Последнее из них было еще при жизни Дарвина переведено на девять самых распространенных языков, а с тех пор издано по меньшей мере на двадцати четырех. Выражение “выживание наиболее приспособленных” впервые появилось в работах Герберта Спенсера, современника Дарвина, и не использовалось в “Происхождении видов” вплоть до пятого издания (Darwin, 1869), а слово “эволюция” появилось лишь в шестом издании (Darwin, 1872). Дарвин так никогда и не завершил свою “большую книгу”, кратким обзором которой было “Происхождение видов” (Фримэн — Freeman, 1965; Пекхэм — Pechham, 1959).

Из этих данных о многочисленных изданиях и переводах можно заключить, что эта книга была популярна, но ее успех объяснялся скорее шумихой, чем литературным совершенством. Действительно, написана она была довольно скверно, и читать ее было так трудно, что даже Гексли жаловался в 1888 году: “Я прочитал “Происхождение видов” в шестой или в седьмой раз и все более убеждаюсь в том, что это одна из наименее удобочитаемых книг, когда-либо написанных” (Л. Хаксли — Huxley, L., 1900, 2;193). Книга эта вызвала бурную реакцию общества, появились ядовитые газетные статьи, ее громогласно осуждали практически с каждой кафедры; однако знаменательно то, что ни “Происхождение видов”, ни “Происхождение человека” никогда не включались в католический Перечень запрещенных книг. Это поистине удивительно, поскольку она была направлена против христианских ортодоксальных взглядов даже больше, чем “Зоономия” Дарвина-деда. Включенная в Перечень в 1817 году, “Зоономия” оставалась в нем вплоть до его последнего издания 1848 года. Таким образом, очевидно, что в какой-то момент между 1817 и 1859 годами произошло радикальное изменение взглядов Ватикана на происхождение мира.

В “Происхождении видов” приведено много примеров того, как скотоводы и растениеводы тщательно отбирали потомство домашних животных и растений с желаемыми признаками с целью получения в последующих поколениях животных и растений, более полезных для человека. Это был искусственный отбор, и Дарвин решил, что если все это могло быть результатом разумных действий в течение нескольких поколений, то такое же возможно и благодаря “пробам и ошибкам” в природе за гораздо большее время. Новая геология Лайеля широко раздвинула временные рамки. Это было жизненно важно для теории Дарвина, но в то же время исключало возможность ее лабораторного подтверждения. Главным стержнем “Происхождения видов” был концепция естественного отбора; Дарвин считал его подлинным механизмом, в результате которого один

вид, изолированный и подверженный воздействию изменений среды, за время жизни многих поколений дивергировал и превращался в совершенно раздельные виды. Расширив действие этого принципа, Дарвин рассматривал все формы жизни как единый огромный континуум, охватывающий любые их проявления от мельчайших до самых сложных; однако он воздержался от утверждения, что какие-либо млекопитающие, в частности обезьяны, вследствие такой дивергенции превратились в человека. Он осознанно и искусно обходил вопрос о происхождении человека, но богословским ищущим так же удалось разнюхать ересь, как это случилось тридцатью годами раньше, когда Лайель опубликовал свои “Основы геологии”.

Утверждение теории эволюции происходило в тяжелой борьбе, но Дарвин в ней участия не принимал. Его высмеивала в памфлетах и карикатурах популярная пресса, сельские жители осуждали его, называя “нечестивцем”. Но, несмотря на все эти преследования, не было и речи ни о его отходе от своей позиции, ни об угрозе его благополучию; финансовая независимость освобождала его от необходимости перед кем бы то ни было оправдываться. Он практически вкладывал свой капитал в акции и к моменту своей смерти приумножил унаследованное им богатство более чем на четверть миллиона фунтов стерлингов, что выгодно отличало его как ученого с новыми взглядами, от ученого наших дней, идеи которого противостоят истеблишменту (Кейт — Keith, 1955, 231)¹⁶.

Другие книги Дарвина

В те дни, когда Дарвин был в состоянии работать более часа между непрекращавшимися приступами болезни, он продолжал писать. В течение жизни он сумел написать удивительно много монографий и книг — о коралловых рифах, вулканических островах, ракообразных, насекомых и орхидных. Кроме “Происхождения видов”, более всего прославившего Дарвина, им написаны еще две работы, заслуживающие упоминания.

В 1871 году он опубликовал “Происхождение человека и половой отбор” (Darwin, 1871). В двух томах этого труда приводилось много данных, не вошедших в “Происхождение видов”, в том числе идея полового отбора как одного из факторов, объясняющих эволюцию. Изучив половое поведение животных, Дарвин утверждал, что специальные признаки — например, хвост у петуха и рога у оленя — способствуют естественному отбору из-за своей сексуальной привлекательности. Он занимался также проблемой полового отбора у человека. Простейший вывод из этой работы не вызвал той полемики, которую можно было ожидать, — это было утверждение, что “человек происходит от волосатого, хвостатого четвероногого... оби-

тателя Старого Света... прародителя... обезьян Нового Света (Darwin, 1871, 2:389). Почему это предположение было принято спокойно? Вероятнее всего, потому, что основная энергия религиозных оппонентов теории эволюции была израсходована в нападках на “Происхождение видов”. По иронии судьбы “Происхождение человека” встретило одобрение очень немногих ученых-естествоиспытателей того времени, и даже Лайель лишь начинал склоняться к принятию этого логического результата теории Дарвина, включающего человека в иерархию жизни.

Наиболее серьезные претензии к “Происхождению человека” касались нравственных и умственных человеческих способностей. Одно дело — говорить о физическом родстве между человеком и обезьяной, но совершенно иное — распространять эту мысль на человеческий интеллект. Это решительно противоречило библейскому утверждению, что Адам получил душу от дыхания Божьего, однако со стороны Церкви не последовало возражений, по крайней мере таких категорических, каких можно было ожидать. Тем не менее светская пресса нашла скрытый смысл “Происхождения человека” и отмечала, что идеи Дарвина не только ненаучны: если бы они когда-нибудь получили широкое признание, то “нравственность утратила бы все элементы устойчивого авторитета”. Еще дальше пошла лондонская “Таймс” (8 апреля 1871 г.), обвинив Дарвина в том, что он использует “авторитет и заслуженную репутацию” для выдвижения “разрушительных умозрительных построений этой книги” и что такой подход на основе поверхностных доказательств и гипотетических доводов не только ненаучен, но и безответствен. Сегодня мы можем оглянуться назад и, возможно, оценить пророческий характер этих газетных комментариев.

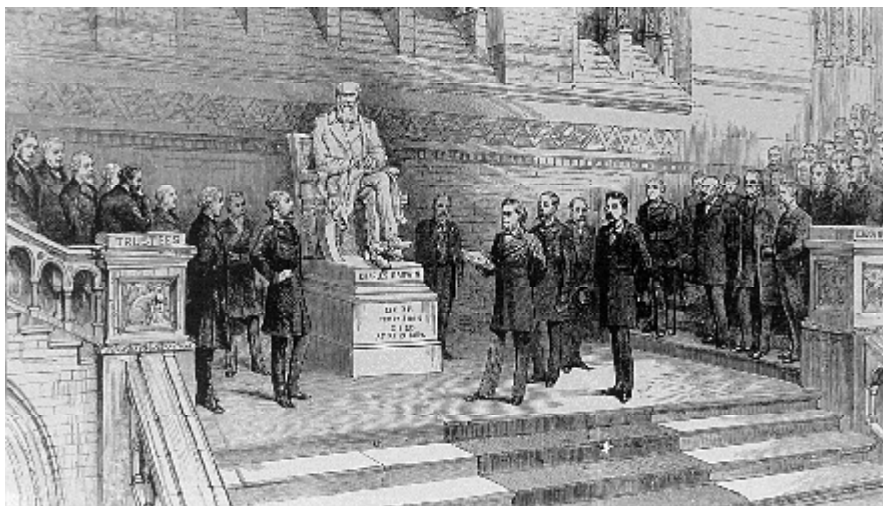
Представления об эволюции умственных способностей человека фигурировали в “Происхождении человека” в скрытой форме; в явной форме они были изложены в следующем, 1872 году, когда Дарвин опубликовал работу “О выражении ощущения у человека и животных” (Darwin, 1965). В ней он затронул область, сегодня относящуюся к психологии. Дарвин действительно имеет репутацию “отца психологии” (Засни — Zusne, 1975, 112)¹⁷, например, беглый взгляд на фрейдистскую философию показывает, что она явно основана на принципах Дарвина. Дарвин в течение многих лет наблюдал поведение своих десяти детей, описывая отражения различных эмоций на их лицах. Он писал, что некоторые лицевые мышцы используются для отражения конкретных состояний рассудка. В качестве эволюционного примера Дарвин пишет о злобно огрызающемся человеке (подобно рычащей собаке), хотя у него нет больше длинных клыков, которыми можно было бы угрожать

врагу в случае опасности (Darwin, 1965, 247—252)¹⁸. Таким образом, эта книга Дарвина полностью отвергает концепцию, которую развивал его ближайший современник сэр Чарльз Белл, чьим именем названа одна из разновидностей паралича, — согласно ей лицевые мышцы, способные выражать эмоции, представляют собой особый дар Божий (Bell, 1844, 131)¹⁹.

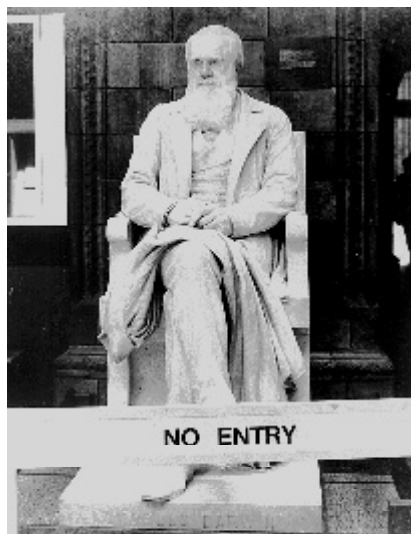
Смерть Дарвина

Дарвин умер в апреле 1882 года в возрасте семидесяти трех лет, изнуренный упорной работой и почти полвека мучившей его болезнью. К этому времени шум вокруг его эволюционной идеи в значительной мере улегся и многое оказалось полностью стертым временем. По решению парламента его похоронили не на англиканском церковном кладбище в деревне Даун, а в Вестминстерском аббатстве, где он покоится и сегодня рядом с сэром Исааком Ньютоном. Вскоре за ним последовал его эволюционный друг сэр Джозеф Гукер; сэр Чарльз Лайель к тому времени уже лежал в аббатстве (Томас Гексли, великий защитник идей Дарвина, не был удостоен аббатства — по-видимому, потому, что он раздражал слишком многих отцов-епископов; однако он был удостоен светского почитания, и не причислен к лику святых.).

Британский Музей естественной истории очень своеобразно увековечил образ Дарвина. Ему был создан мраморный памятник: фигура человека высотой в два человеческих роста, задумчиво восседающая на огромном мраморном троне. Многие годы это воплощение по-

Открытие мемориальной статуи Чарльза Дарвина в самом почетном месте Британского Музея естественной истории. С речью выступает Т. Г. Гексли. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Статуя Чарльза Дарвина в наши дни. Она стоит в неприметном месте за главной лестницей, явно на полпути из музея. На ограждении надпись: “Входа нет”. Наука, в конечном счете, безразлична к личностям (автор).

чтения горделиво красовалось в центральном зале музея, прямо напротив парадной лестницы. Когда в 1895 году умер Гексли, главный апостол Дарвина, ему тоже воздвигли подобный монумент и поместили по правую руку от учителя. Позже, уже в наше время, оба шедевры были тихо убраны и перенесены в крохотный вести-

Элизабет Рейд Хоуп, 1842—1922.
Леди Хоуп — евангелистка, приукрасившая правду о встрече с Дарвином (Армия Спасения, Лондон).

бюль позади парадной лестницы. Теория Дарвина, как и его статуя, постепенно удаляется все дальше и дальше от центра внимания.

Периодически публикуются статьи и трактаты о том, что Чарльз Дарвин незадолго до смерти обратился на путь истины. Поучительна в этом смысле история леди Хоуп, деятельной христианки, навестившей к тому времени практически полностью прикованного к

постели Дарвина незадолго до его смерти. Она очень трогательно описывает “один из восхитительных осенних деньков”. По ее словам, Дарвин, “человек, читающий Библию на пороге смерти”, сожалел о том, что в пору юности отрицал ее первую часть. Заключение возвышенно призывает всех, кто верит в эволюцию, покаяться, особо подчеркивая тот факт, что даже отец этой теории на пороге смерти признал свои ошибки, чтобы спастись от вечных мук ада²⁰. О том, что действительно произошло в тот вечер, поведал доктор Джеймс Мур (James Moore) в книге *Легенда Дарвина*, опубликованной издательством Бейкер Бук Хауз в 1994 году.

Доктор Мур в течение двадцати лет занимался поисками фактов о леди Хоуп, и вот что ему удалось выяснить. Элизабет Рейд Коттон родилась в Тасмании в 1842 году. В середине пятидесятых годов прошлого века ее семья переехала в Англию, где ее отец, генерал сэр Артур Коттон, ушел на покой. И отец, и дочь были евангелистами-англиканами, противниками табака и алкоголя. Когда в 1875 году в Англию приехал Д. Л. Муди, евангелист из Америки, Элизабет была приглашена в его команду для участия в Крестовом походе на Англию. В 1877 году, в возрасте 35 лет, Элизабет вышла замуж за 69-летнего адмирала сэра Джеймса Хоупа и стала отныне известна как леди Хоуп — необыкновенно подходящее имя для евангелиста (*hope* по-английски означает “надежда”). Элизабет овдовела в 1881, а в 51 год опять вышла замуж за 73-летнего филантропа Т. Энтони Денни. В 1909 году он умер, оставив ей достаточно средств к существованию. Однако она неудачно распорядилась капиталом, и в 1911 году была официально признана банкротом. В 1913 году, в возрасте 69 лет, она уехала в Америку и в 1915 году посетила семью Муди. Можно предположить, что она пыталась получить финансовую поддержку. Именно в это время, то есть через 34 года после описываемого ею события, она опубликовала рассказ о встрече с Дарвином (19 августа 1915 г., *Watchman-Examiner*, vol.3, p. 1071). Эта публикация о якобы возвращенном к христианству Дарвине значительно подняла авторитет Элизабет Хоуп в христианских кругах, и дела ее быстро пошли в гору. Она умерла в возрасте 80 лет на пути к Англии.

Факты говорят, что леди Хоуп действительно была в Дауне и посетила Чарльза Дарвина по его просьбе. А согласно записям метеорологов, “восхитительный осенний денек” был где-то между 28 сентября и 2 октября 1881 года. Дарвин умер в апреле следующего года, в возрасте 73 лет. Как раз 28 сентября, в среду, Дарвина навестили два убежденных атеиста — Эдвард Авелинг (зять Карла Маркса) и Людвиг Бюхнер. В разговоре, который длился два часа, Дарвин признался, что отказался от христианства в возрасте 40 лет.

Жена Дарвина, Эмма, напротив, регулярно посещала англиканскую общину, была унитарийкой, и ее всерьез волновал вопрос о спасении мужа. Доктор Мур предположил, что Чарльз пригласил леди Хоуп исключительно для того, чтобы успокоить жену. В то время Дарвин вовсе не был прикован к постели, просто он любил днем полежать на диване, покуривая сигарету. А к приходу леди Хоуп он вполне мог еще и вооружиться Библией. Рассказ леди Хоуп представляет собой крохотное число фактов, изрядно приукрашенных воображением. Она была неплохой писательницей, в свое время она написала немало статей и очерков о христианстве и для христиан. Вот и о своем визите к Дарвину она написала таким образом, что читатель увидел перед собой ярчайший пример настоящего чудесного возврата к вере. Однако нигде не сказано, что Дарвин действительно вернулся к вере — ни до ее визита леди Хоуп, ни во время, ни после. Генриетта, дочь Дарвина, сидела у кровати умирающего Дарвина с блокнотом в руках, ловя и записывая каждое его слово, и в записях ничего не было о том, что его отношение к вере изменилось. Семья Дарвина всегда яростно отрицала любое предположение о принадлежности Дарвина к христианству. Среди переписки, которую Дарвин вел с сентября 1881 года и вплоть до его смерти семь месяцев спустя, мы не найдем ничего, указывающего на то, что он хотя бы признавал существование Бога²¹.